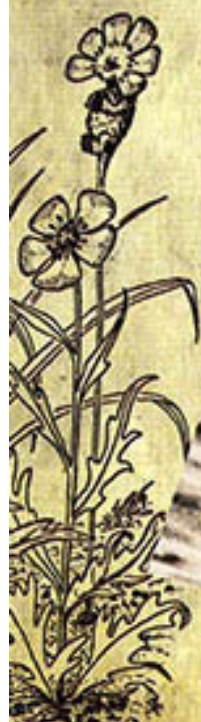


Виталий Танасийчук
Невероятная зоология

(Зоологические мифы и мистификации)



Виталий Танасийчук

**Невероятная зоология.
Зоологические мифы
и мистификации**

«Товарищество научных изданий КМК»

2011

УДК 59(7)
ББК 28.6я.9.1

Танасийчук В. Н.

Невероятная зоология. Зоологические мифы и мистификации /
В. Н. Танасийчук — «Товарищество научных изданий КМК»,
2011

ISBN 978-5-87317-735-6

Истории о загадочных, таинственных существах были интересны людям во все времена. Древние греки верили в существование кентавров и многоголовых гидр, в наше время снежный человек и Лох-Несское чудовище – постоянные обитатели газетных полос и телеэкрана. В книге зоолога и писателя В.Н. Танасийчука рассказывается о многих легендах, мифах и мистификациях, сопровождающих зоологию. Герои этой книги – и подлинные учёные, исследующие природу, и шутники, создававшие забавные «параллельные» животные миры, и чудаки, потратившие жизнь на погоню за химерой. Но главный её герой – увлекательная, стройная и строгая наука зоология.

УДК 59(7)
ББК 28.6я.9.1

ISBN 978-5-87317-735-6

© Танасийчук В. Н., 2011
© Товарищество научных изданий
КМК, 2011

Содержание

Введение	6
Глава 1. Наивные мудрецы	8
Глава 2. Семиглавая гидра и детективы в музее	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виталий Танасийчук

Невероятная зоология. Зоологические мифы и мистификации

© В.Н.Танасийчук, текст, 2009, 2011

© Товарищество научных изданий КМК, 2011

* * *

Икающий лес был полон тёмных тайн. Днём по дороге на юг тянулись обозы с обогащённой рудой, а ночью дорога была пуста, потому что мало находилось смельчаков ходить по ней при свете звёзд. Говорили, что по ночам с Отца-дерева кричит птица Сиу, которую никто не видел и которую видеть нельзя, поскольку это не простая птица. Говорили, что большие мохнатые пауки прыгают с ветвей на шеи лошадям и миглом прогрызают жилы, захлёбываясь кровью. Говорили, что по лесу бродит огромный древний зверь Пэх, который покрыт чешуёй, даёт потомство раз в двенадцать лет и волочит за собой двенадцать хвостов, потеющих ядовитым потом. А кое-кто видел, как среди бела дня дорогу пересекал, бормоча свои жалобы, голый вепрь Ы, проклятый святым Микой, – свирепое животное, неуязвимое для железа, но легко пробиваемое костью.

*Аркадий Стругацкий,
Борис Стругацкий.
Трудно быть богом.*

*Тень, знай своё место!
Евгений Шварц.
Тень.*

Введение

Мир животных огромен, сложен и разнообразен. В его необозримой пестроте находят свое место и предназначение амёба и лев, крохотный почвенный клещик и огромный слон. Да и мы, люди, как ни кичимся, считая себя владыками Земли, тоже относимся к этому миру. Недаром английский зоолог Десмонд Моррис, публикуя свою остроумную, полную парадоксов книгу об остатках «звериного» в человеке, назвал её «Голая обезьяна».

Зоология, как и все науки, стремится к точности и чёткости. Уже много десятилетий существует строго соблюдаемый учёными «Международный кодекс зоологической номенклатуры», настоящий сборник законов, который пополняется и улучшается на каждом всемирном съезде зоологов. Это свод правил и рекомендаций, которые должны обеспечить постоянство научных названий животных, чтобы не было путаницы и неразберихи в колоссальном количестве знаний, накопленных за века.

Но никакие правила и кодексы не могут оградить науку от людей легковверных, фантазёров, а то и просто обманщиков. Тем более такую необъятную науку, как зоология. Ведь на Земле существуют многие миллионы видов животных; учёные успели открыть только часть этого удивительного разнообразия. И вот с глубокой древности до наших дней то и дело возникает слух о том, что где-то люди увидели некое необычайное чудовище. Потом о слухе забывают, но он возрождается снова и снова, убеждая немало людей в его реальности.

Легенды, мифы, а нередко и мистификации – постоянные спутники зоологии, вокруг этой науки их больше, чем вокруг какой-нибудь другой. В них, как в зеркале, отражается уровень развития не только науки, но и общества. И эти истории о загадочных существах захватывающе интересны.

Однажды я разговорился об этом с моим другом и коллегой Кириллом Борисовичем Юрьевым, большим знатоком истории зоологии и старой зоологической книги. Недаром он был председателем библиотечного совета нашего института – Зоологического института Академии наук. Мы прошли с ним в библиотеку института и несколько часов рылись в огромных старинных фолиантах. Они оказались неожиданно лёгкими. Их голубоватая, совсем не пожелтевшая тряпичная бумага с причудливыми водяными знаками была намного легче современной. Я впервые держал в руках тома знаменитых зоологов XVII века – Геснера и Альдрованди с вошедшими во все учебники наивными изображениями морского монаха, единорога, «скифского волка», похожего на собаку-пекинеса. В одной из книг со множеством искусно раскрашенных изображений животных под латинскими подписями кто-то гусиным пером с сильным нажимом старательно написал старославянские названия животных. Кирилл предположил, что это было сделано для мальчика Петруши, который мог разглядывать эту книгу задолго до того, как он стал Петром Великим; ведь наша библиотека – наследница библиотеки Кунсткамеры, в которую вошли и личные книги Петра...

– А вот тут есть рисунок чудовища, за которое знаменитый Себа отвалил уйму денег и никак не хотел признать, что его обжулили.

На огромном, в газетный лист развороте двух страниц было изображено воистину нечто удивительное. Семь злобно оскаленных голов вырастали из странного червеобразного туловища с закрученным хвостом, стоящего на двух когтистых лапах. Знаменитая семиглавая гидра!

– Трудно сказать, из чего её слепили. Головы, наверно, от змей или крупных ящериц, туловище тоже от какого-то пресмыкающегося. Может, это задняя половина варана вместе с ногами? Сшито было мастерски, вот бедняга и обманулся. А ведь даже Геснер, веривший в морского монаха и прочие чудеса, ещё за сотню лет до Себы разоблачил такую же фальшивку!

И у нас возникла мысль – а что, если написать книгу о зоологических мифах, легендах, мистификациях – древних и современных. Ведь одни только ринограденции, или носоходящие, обросли литературой, а уж о снежном человеке и разных озёрных чудовищах и говорить нечего! Конечно, надо рассказать и о забавных происшествиях, случавшихся в палеонтологии – как-никак, она родная сестра зоологии. Мы даже набросали план книги и придумали название.

Но накапливались всё новые дела. Я уезжал в экспедиции, писал научные статьи и детские книги. Кирилл тоже был погружён в свою работу, и мы никак не могли выкроить время для нашей затеи. А потом Кирилла не стало, и это было тяжёлой утратой для его друзей и нашей науки. Неброский с виду, со смешной походкой Чарли Чаплина, он покорял любого собеседника добротой, глубоким пониманием людей и внимательностью к ним. Он был интеллигентом в подлинном значении этого слова, питерским интеллигентом. Только после его смерти я узнал, что происходил он из стариннейшего русского рода, одного корня с Колычевыми, Романовыми, Шереметевыми.

Прошли годы. Мне кажется, будто Кирилл стоит за моей спиной и спрашивает, когда же я напишу нашу книгу. И мне остаётся только принять его молчаливый укор – и написать её.

Глава 1. Наивные мудрецы

В древние времена мир был невелик. Люди знали своё селение, его ближайшие окрестности и нечасто выбирались за их пределы. О соседних странах, тем более материках, они знали мало. И в то же время мир был огромен, потому что путешествовать быстрее, чем верхом на лошади или на парусном корабле, было невозможно. Странствия купцов, везущих товары из далёких краёв, длились годы. Многие месяцы занимали военные походы к границам великих империй древности. Годами продолжались и путешествия любознательных людей, желающих своими глазами увидеть дальние страны, что-то узнать и чему-то научиться. Купцы, путешественники и солдаты, возвращаясь, повествовали о вещах странных, необычных, удивительных. Рассказы о том, что они видели своими глазами, перемешивались с историями, услышанными в далёких краях, – о местах, где они не были, и о диковинах, которых они не видали. А люди в те времена были легковёрны и легко путали сказки с действительностью. Поверить в единорога или в огнедышащего дракона им было легче, чем в то, что ласточки на зиму улетают в тёплые края, а не зимуют, зарывшись в ил.

И вот греческий историк Геродот, объездивший чуть не весь известный тогда мир – от Египта и Персии до северных берегов Черного моря, пишет о птице феникс, прилетающей в Египет раз в пятьсот лет, когда умирает её отец, и о крылатых змеях, живущих в Аравии. Геродот специально отправился в Аравию, чтобы подробнее узнать о них, и со слов арабов записал, что в начале весны эти змеи летят из Аравии в Египет, но навстречу им вылетают ибисы, не пропуская их в Египет и истребляя. Потому-то египтяне и почитают этих птиц.



1.1. «В Индии среди золотых гор обитают муравьи крупнее лисицы, сильные и свирепые. У них четыре ноги с мощными когтями. Они так сильны, что разрывают человека на куски, если видят его» – так переиначил текст Плиния составитель «Hortus sanitatis», средневекового трактата по естественной истории.

Пишет он и о гигантских, больше лисицы, муравьях, которые водятся в Бактрии и роют норы, выбрасывая наружу золотой песок. Индийцы приходят за ним в самую сильную жару, когда муравьи прячутся под землю. «Нет другого животного столь быстрого, как эти муравьи». Только в наши дни французский путешественник Мишель Пессель распутал эту басню – «муравьями» оказались сурки, в выбросах земли у их нор иногда находят золотые песчинки.

Конечно, не все древние сведения о животных были сказочными. Ещё в каменном веке охотники прекрасно знали повадки дичи. В Месопотамии за четыре тысячи лет до нашей эры скотоводы умели выводить новые породы скота. В древнем Китае одомашнили бабочку, из коконов которой получали шёлк; цикл её развития был досконально известен. Более того, в диком состоянии она вообще исчезла тысячелетия назад.

Но знания скотоводов и охотников переплетались с мифами и фольклором, и причудливые сказания о необычных существах, надёленных сверхъестественными силами, сохранились у всех народов мира. Нередко это покровитель рода, как ворон у якутов и индейцев Северной Америки или медведь-великан, мифический предок эвенков; порой зловерное существо, как волк-оборотень, способный превращаться в человека, о котором рассказывают страшные сказки на обширном пространстве от Франции до Армении.

Другой ужасный волк, гигантский Фенрир скандинавских саг, связан магической цепью, сделанной карликами из шума кошачьих шагов, женской бороды, корней гор и рыбьего дыхания. У китайцев священные животные – феникс, небесная черепаха и драконы. Один из драконов стал родоначальником первых императоров, именно поэтому дракон – символ императора. Драконы бессмертны; они бывают божественные, небесные, земные, подземные, морские. Дыхание их пышет огнём, они вызывают землетрясения и тайфуны. А народы севера Сибири полагали, что землетрясения вызывает ползающая под землей огромная мышь с длинными изогнутыми бивнями; если случайно она выберется наружу, то умирает. Нетрудно догадаться, что речь шла о мамонте.

На юге Франции обитало страшное чудовище Тараска – полузверь, полурыба, пожиравшее путников и рыбаков. «Его зубы походили на лезвие меча, заточенного с двух сторон, и были острыми, словно рога. С каждого бока он был вооружён двойными круглыми щитами. Он прятался в реке и убивал всех следующих мимо, а корабли топил», – говорится в «Житии святой Марты». Марта «окропила его святой водой, осенила крестным знаменем и показала ему распятие. Победённый, Тараска сделался кротким, словно овца, а святая Марта связала его своим поясом, после чего люди забили его копьями и камнями». От этого чудовища получил свое название город Тараскон, славный похождениями знаменитого Тартарена.

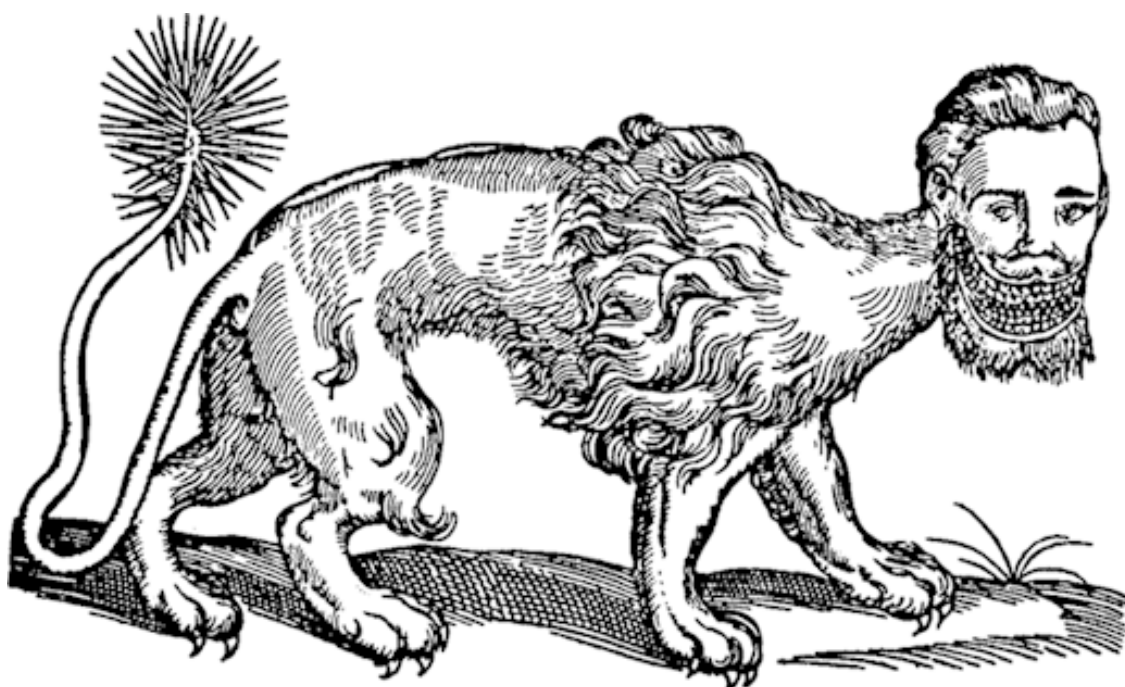
А чем плохи славянские чудовища, от прилетающего из-за моря Змея Горыныча до своих, рядом с людьми обитающих лешего, водяного и овиинника, шишиги, которая может запарить насмерть, и почти безвредного банника, и, конечно же, домового, который может превратиться в лошадь, собаку или корову? Кстати, домового очень просто вырастить – взять яйцо, снесённое петухом, и носить его шесть месяцев под левой мышкой – вот и проклюнется домовичок.

Но, пожалуй, самые эффектные создания, прославленные многими поэтами, водятся в греко-римской мифологии. Это гарпии – птицы с лицами девушек, вечно голодные и пожирающие блюда на праздничных обедах; многоголовые гидры, одну из которых победил Геракл; эмпуса с ослиными ногами, подручная могучей богини Гекаты; грифоны – полульвы-полуорлы; кентавры, сатиры, наяды, тритоны (они же ихтиокентавры). Тут и химера – дышащий пламенем монстр с хвостом дракона, спереди напоминающий льва, посредине козла; впоследствии химерами будут называть и несбыточные фантазии, и невероятные, неестественные смешения признаков у животных.

О существах не менее удивительных рассказывали бывалые люди. Ктесий, греческий врач при дворе персидского царя Артаксеркса II в IV веке до нашей эры, описал массу персид-

ских и особенно индийских диких, совершенно серьёзно воспринятых мудрецами древности. Его книга «Индика» дошла до нас только в кратком пересказе, но в античности её знал каждый образованный человек. Именно Ктесий первым рассказал о чудовищной мантихоре, имеющей «три ряда зубов, которые подобны щётке, лицо и уши как у человека, туловище красного льва и хвост, оканчивающийся шипом, как у скорпиона. Она быстро бегает, любит человеческое мясо, голос её похож на созвучие флейты и трубы».

Науки зоологии во времена Геродота и Ктесия попросту не было. Ведь любая наука – это прежде всего приведение знаний в стройную систему, а у древних писателей и были, и небылицы перемешаны так, что извлечь из них подлинное знание невозможно. Так было до тех пор, пока не появился один из величайших учёных в истории человечества – Аристотель. Его называют отцом зоологии и логики, он дал начало физике, химии, этике, психологии, теории политики и теории литературы. Немало его концепций и идей не потеряло своей ценности до сих пор, в зоологии его авторитет был непрекращаем до XVIII столетия.



1.2. Ужасная мантихора с тремя рядами зубов – как представляли её в средневековье

Родился Аристотель в греческом городе Стагире, отчего его нередко называли Стагири-том (человеком из Стагиры). Его предки на протяжении двух веков были врачами, а отец – придворным медиком македонского царя Аминты III. Аристотель ещё мальчиком учился медицине у отца, а когда вырос, отправился завершать образование в Афины, в Академию великого мыслителя Платона, где пробыл двадцать лет. Три года он был воспитателем Александра, будущего великого завоевателя, сына македонского царя Филиппа, к пятидесяти годам вернулся в Афины и основал свою школу возле храма Аполлона Ликейского, прозванную Ликеем, или Лицеем. Школьные занятия велись во время прогулок в роще, поэтому и учителей, и учеников называли «прогуливающимися» – «перипатетиками» по-гречески. Главными предметами, изучавшимися в Лицее, были биология и история. Всего 12 лет Аристотель преподавал в своей школе – после смерти Александра афиняне объявили его виновным в безбожии и изгнали. Спустя год он умер на острове Эвбее, прожив 63 года и оставив огромное научное наследство.

Немалая часть трудов великого ученого была посвящена зоологии. Среди прочих работ до нас дошла его «История животных» в 10 книгах. Аристотель первым систематизировал

животных, разделив их на девять групп. Пять из них обладают кровью; это «четвероногие живородящие» – млекопитающие; «четвероногие яйцеродные» – земноводные и часть пресмыкающихся (ещё в XIX веке их объединяли в общую группу, названную «гады»); «яйцеродные, крылатые, двуногие, летающие, покрытые перьями» – птицы; «живородящие, дышащие лёгкими, безногие, водяные животные» – киты; «яйцеродные, реже живородящие, чешуйчатые или голые, безногие, дышащие жабрами водяные животные» – рыбы. Интересно, что хотя учёный и не признал китов млекопитающими, но и к рыбам их не отнёс.

«Бескровных», как полагал Аристотель, животных, он разделил на четыре группы: «без резкого разделения твёрдых и мягких частей, с внутренним окостенением, с ногами на голове» – «Мягкотелые» (теперь это головоногие моллюски); «многоногие, покрытые роговой скорлупой, защищающей мягкое тело» – «Мягкоскорлуповые» (теперь это десятиногие ракообразные); «мягкотелые, с твёрдой ломкой раковиной» – «Черепнокожие» (то есть все моллюски, кроме головоногих). И, наконец, «многоногие, с телом разделённым на отрезки» – «Насечённые», по-гречески «энтома». От этого слова произошло и русское слово «насекомые», и название науки о насекомых – энтомологии. Но Аристотель этим словом называл и насекомых, и многоножек, и паукообразных.

Система эта, конечно, неполна и несовершенна, но ведь Аристотель был первым человеком, вообще задумавшимся о необходимости такой системы. И как много он увидел и понял! Его главный принцип – устанавливать факты, полагаясь на наблюдения; и теория верна только тогда, когда она основана на наблюдениях. Великий ученый древности писал, что все науки начинаются с удивления, то есть с любопытства, любознательности. И сам он обладал неистощимой любознательностью – свойством, без которого не бывает настоящего учёного.

Аристотель описал около 500 видов животных, среди них 120 рыб и 60 насекомых. Он анатомировал их, ставил эксперименты. Открыл, что у акулы-катрана новорожденный детёныш соединён с матерью чем-то вроде пуповины – это наблюдение было повторено только в середине XIX века. Аристотель описал спаривание головоногих, опять же подтверждённое через много веков. Он исследовал глаз крота, изучил строение внутреннего уха животных, обнаружил, что у куриного зародыша уже на третий день насиживания начинает биться сердце. Изучая морского ежа, он открыл его жевательный аппарат, который до сих пор так и называется – аристотелев фонарь. Первым из европейцев Аристотель проследил превращение бабочки от яйца, «меньшего, чем зерно проса», в личинку-гусеницу: она растёт, пока не превратится в куколку, окружённую подобием ткани, из которой вылетает «крылатое создание, которое мы называем бабочкой». Он наблюдал, как оса, названная им «ихневмоном», затаскивает в норку пауков, как он думал, убитых (на самом деле парализованных) и откладывает на них личинок (здесь он ошибся – оса-помпил откладывает на добычу яйцо). Он узнал, что кукушка подкидывает свои яйца в гнёзда других птиц, а глаза хамелеона могут смотреть в разные стороны – один вперёд, другой назад.

Всюду, где Аристотель пишет о том, что наблюдал сам, он удивительно точен. Но иногда, противореча самому себе, он ставит теорию перед наблюдением – и мы узнаём о вещах, по меньшей мере странных. Например о том, что змея враждует с лаской и свиньёй. С лаской – потому что они едят одинаковую пищу; со свиньёй – потому что она ест потомство змеи. Лиса и змея – друзья, ибо они роют подземные норы. Сокол враждует с лисой, а ворон и лиса – приятели, ибо ворон – враг сокола. Когда сокол преследует лису, ворон прилетает и помогает ей.

Дальше – больше. Блохи, по Аристотелю, возникают из разлагающейся материи, клопы – из влаги живых существ, вши – из плоти животных. «Когда возникают вши, на коже можно видеть маленький волдырь. Если его проколоть, вши выпрыгивают наружу». При многих болезнях, по мнению Аристотеля, вши возникают из человеческого тела в больших количествах. И тут же он добавляет, что вши бывают не только у людей, но и у животных (что совершенно

правильно). Но вот на осла, будто бы, не нападают ни вши, ни блохи. Это утверждение Аристотеля особенно понравилось средневековым церковникам – ведь именно на осле Христос въехал в Иерусалим, и отсутствие паразитов на нём – знак Божьей милости. Приглядываться к живому ослу было незачем, ведь Аристотель всегда прав. Лишь в XVII веке был опубликован рисунок вши, найденной на осле.

Но обычно Аристотель осторожен. Пересказывая вещи, в которые трудно поверить, он пишет: «Говорят, что...» или ссылается на источник. Например, он пишет, что в Индии, по словам Ктесия, нет свиней ни диких, ни домашних, но водятся огромные животные, лишённые крови. И тут же добавляет, что Ктесий – писатель не очень добросовестный. Или: «Говорят, что в Ливии (так называли тогда Африку) длина змей ужасна». Выползая из моря, они проглатывают быков и, догоняя галеры, переворачивают их и пожирают команду. «Всегда что-нибудь новое из Ливии». Позднее, в Риме, эта фраза превратилась в поговорку. Когда речь шла о каких-нибудь слухах, спрашивали – «Что новенького из Африки?»

А в Аравии, «согласно рассказам», водятся конепетухи – гипполектрии. И тут же Аристотель пишет о гиппелафе, коне-олене, имеющем гриву, бороду и рога – довольно точная характеристика антилопы-гну.

Участь трудов Аристотеля была, казалось бы, счастливой. И в древности, и в средние века его авторитет был непререкаем. Его книги перевели на латынь и на арабский язык, их переписывали монахи во множестве монастырей – почему и дошла до нас большая часть его наследия. Изучение книг Аристотеля было одним из главных предметов в средневековых университетах. О нём слагали легенды, говорили, что в Сицилии, в Палермо в одном из соборов можно видеть его гроб, подвешенный в воздухе, и народ приходит к нему молиться о дожде и избавлении от всяческих зол.

Но судьба сыграла с ним злую шутку. Средневековые учёные-схоласты, поражённые глубиной познаний Аристотеля, стали считать, что всё написанное им есть истина в последней инстанции. Они не пытались анализировать его труды, отделяя истину от ошибок и заблуждений. Поправлять Аристотеля стало почти что богохульством, сомневаться в написанном им – ересью. А наблюдение природы, главное звено в методе исследований Аристотеля, стало считаться занятием, недостойным истинного учёного. Ведь вся мудрость мира, по мнению схоластов, уже познана и хранится в немногих книгах. Создавать же новые тексты кощунственно. Так труды пытливого естествоиспытателя стали тормозом на пути развития науки.

Влиятельнейший христианский философ и проповедник Святой Августин (V век) писал: «существует иной, гораздо более опасный вид искушения. Имя ему – порок любопытства. Именно он подвигает нас на попытки разгадать недоступные нашему пониманию, ненужные нам тайны природы, познания которых человеку желать не должно». И даже в XVII веке известнейший голландский богослов Корнелис Янсен клеймил «любопытство, прикрывающееся именем науки» и считал, что «мир тем более испорчен этой страстью, чем более она прикрывается личиной добродетели, то есть знания».

Ещё один учёный древности стал в средние века непререкаемым авторитетом во всём, что касалось природы. Это был римлянин Плиний. Полное его имя было Гай Плиний Секунд, также его называли Плинием Старшим в отличие от его племянника, Плиния Младшего, книга писем которого стала одним из замечательных памятников римской культуры.

Плиния нельзя назвать учёным естествоиспытателем подобно Аристотелю. Он был воином, прошедшим многие сражения, администратором, занимавшим высокие посты. Но он был бесконечно любознателен. Всюду, куда его ни забрасывала судьба, он вёл подробные записи о том, что он видел, узнавал или прочитывал – а читателем и слушателем он был отменным. Он делал выписки из множества книг, и сам написал немало. Из-под его пера (точнее, стилоса) вышли книги о римской истории, работа по грамматике, обзор войн Рима с германцами, и даже книга «О метании дротиков с коня», которую он написал, будучи командиром кавалерийского

отряда. Ни одна из этих его книг не дошла до нас, зато сохранился главный труд Плиния – энциклопедическое сочинение, названное им «Естественная история». Со времен Плиния это выражение прочно вошло в науку – недаром крупнейшие музеи мира, посвящённые всему кругу наук о природе, называются музеями естественной истории.

Плиний прожил не слишком долгую жизнь – всего 56 лет, но была она яркой и деятельной. Умер же он смертью отважного человека и подлинного учёного. Узнав о извержении Везувия, том самом, которое погубило Помпеи, он послал флот на помощь гибнущим людям, сам отправился на передовом корабле и погиб, задохнувшись в серных парах.

Плиний Младший опубликовал «Естественную историю» своего дяди уже после его смерти. В ней 37 книг. В первой из них Плиний пишет о сочинениях, послуживших ему источниками; их более 100, о многих из них он пишет подробно. Далеко не все они сохранились, некоторые известны только по этим упоминаниям Плиния. Остальные 36 книг охватывают широчайший круг наук: космологию, астрономию, географию, ботанику, агрономию, медицину, фармакологию, минералогию. Зоологии посвящены четыре книги – с восьмой по одиннадцатую. Сначала Плиний делает обзор диких и домашних млекопитающих, а также пресмыкающихся – змей, крокодилов, ящериц. Затем он переходит к рыбам и морским животным, потом к птицам и, наконец, к насекомым и паукам.

Перед Аристотелем Плиний преклоняется, немало у него позаимствовав. Он называет его «муж высочайшего превосходства в любой отрасли науки». Многое одолжил он и у других греческих авторов. Есть у Плиния и сведения, услышанные от разных бывалых людей, и собственные наблюдения. И хотя гордый римлянин порой посмеивается над греческим легковерием, именно заведомые небылицы он охотнее всего повторяет за греками, нередко ещё больше их преувеличивая. В итоге получилось увлекательное, хотя и не слишком последовательное сочинение, в котором реальные факты перемешаны с мифами и фольклором.

Плиний точен, следуя за Аристотелем (там, где Стагирит не ошибался) или описывая то, что наблюдал сам – например, домашних животных или зверей-участников цирковых игр – львов, медведей, крокодилов. Он знает, что крокодилы и черепахи откладывают яйца, что рыбы имеют слух и обоняние, что летучая мышь – единственное живородящее животное, умеющее летать. Его восхищают насекомые, комар для него «удивительное создание природы, наделивший такое крохотное существо всеми пятью чувствами, а вдобавок острым и нежным хоботком». Он пишет об инкубаторах для яиц – в то время их уже применяли. Подробно рассказывает Плиний о жизни пчёл, он знает, что трутни не имеют жала, а рабочие пчёлы могут жалить только один раз, и что у двукрылых насекомых – комаров и мух – нет жала в животе. Он отмечает, что ни одно рогатое (следовательно, травоядное) животное не имеет острых зубов, что по рогам можно определить возраст оленей, что в Альпах обитают белые зайцы, что мыши и сурки делают запасы на зиму.

Порой Плиний критично относится к своим источникам и даже к мифам; он знает, что «птица пегас» и грифон – существа сказочные, ловит предшественников на неточностях и рассказывает забавную историю о том, что когда император Клавдий в одной из своих книг написал о водящемся в Африке «гиппо-кентавре», то префект Египта был так ловок, что прислал императору такое существо в набальзамированном виде. Эта искусная подделка долго хранилась во дворце.

Но, увы, критично относиться ко всему, что он читал и слышал, Плиний не умел. Он был не исследователем, а добросовестным и доверчивым дилетантом. И какое множество невероятных существ разбежалось и разлетелось со страниц его книг! Драконы, крылатые змеи, крылатые лошади (видимо, что-то отличающееся от «птицы пегаса»), животные с головой человека, сфинксы с коричневыми волосами, убивающий взглядом зверь катоблепас, люди без голов, люди без рта, одноглазые люди, птица феникс и змея амфисбена с двумя головами, «как будто недостаточно яда в одной пасти».

Конечно, есть в этом зоопарке василиск. «Он происходит из Киренаики, не более 12 дюймов длины, с яркими белыми знаками на голове, подобными диадеме. Он побеждает всех змей своим шипением и двигается, не извиваясь в стороны, как все змеи, но подняв свою середину вверх. Он не только своим прикосновением убивает кусты и травы, но и дыханием, которое прожигает скалы. Говорят, что всадник на лошади убил его копьем, и зараза поднялась по копыту и убила не только всадника, но и лошадь. Существо столь удивительное гибнет от яда ласки; если бросить василиска в нору ласки, ласка убьет его своим зловонием – но и сама погибнет». Как можно бросить куда-нибудь существо, к которому нельзя прикоснуться, Плиний не объясняет.

...Древесные змеи, по Плинию, могут летать как снаряд из катапульты. Живут змеи парами; если убить одну, уцелевшая будет преследовать убийцу.

...Марк Варрон утверждает, что один город в Испании был подкопан и разрушен кроликами, а другой, в Фессалии, кротоми. Он же пишет, что племя в Галлии было обращено в бегство лягушками, а город Аминклы в Италии разрушен змеями. Согласно же Муциану, о хвостатых обезьянах известно, что они умеют играть в шашки.

...Римский легат в Олисипоненсе (будущем Лиссабоне) сообщал императору Тиберию, что был замечен тритон (божество с рыбьим хвостом вместо ног), дующий в раковину в некой пещере. Утверждают, что морской человек был замечен в Кадисском заливе, он ночью залезал на борт кораблей и весил столько, что сиди он подольше, потопил бы корабль.

...Слон обладает чувством стыда; оскорблённый, перестаёт есть и гибнет от голода.

...Если дом должен упасть, мыши заранее его покидают.



1.3. Художник, иллюстрировавший «Hortus sanitatis», не очень задумывался над образами морской коровы, морской собаки и морской лошади – он просто приделал рыбы хвосты знакомым ему животным.

...Олени стадами переплывают море; было отмечено, что они переплывали с Сицилии на Кипр, руководствуясь не зрением, а запахом (расстояние между островами – более 700 км).

...Ежи готовятся к зиме и запасают яблоки; катаясь по ним, насаживают на колючки и прячут в пустых деревьях (эта байка дошла до нашего времени).

...Полип (осьминог) выходит из моря и залезает в баки с солёной рыбой, ибо её запах странным образом привлекает морские существа.

...Петух – опытный астроном, он отмечает пением каждый трёхчасовой период. Это гордая птица, и даже лев, самый благородный из зверей, опасается петуха.

Плиний оказал огромное влияние на средневековую науку; всё, написанное им, считалось святой истиной более тысячи лет. Средневековым схоластам он был даже ближе, чем Аристотель; ведь тот считал, что созданию теории должно предшествовать наблюдение, а это уже пахло ересью. Копии «Естественной истории» хранились почти в каждом средневековом монастыре; её комментировали, не подвергая сомнению, многие десятки учёных.

И всё же, несмотря на бесчисленное количество небылиц, рассеянных на её страницах, наука многим обязана Плинию. Он собрал всё, что в древности было известно о природе, и его труд послужил той ступенькой, отталкиваясь от которой шагали учёные эпохи Возрождения. Только в 1492 году (год открытия Америки!) был напечатан первый трактат, посвящённый ошибкам Плиния; его автором был Никколо Леоницено из города Феррары. Влияние Плиния уменьшалось по мере того, как всё больше учёных сомневалось в достоверности многих его утверждений, и к началу XVIII века он уже не считался непререкаемым авторитетом. Но «Естественная история» навсегда останется ярким памятником античной науки.

Древний мир пал под натиском варваров – вандалов, готов, гуннов. Рушились храмы, горели библиотеки, гибли учёные. Грамотных людей становилось всё меньше, простое изучение грамматики стало «тяжёлым и постыдным проступком», как писал одному епископу папа Григорий I. Неграмотен был даже император Карл Великий. Наука на Западе перестала развиваться, преклонение перед авторитетами стало абсолютным. И самой популярной книгой о животных стал «Физиологус», что можно перевести как «рассказывающий о природе».

Книга эта возникла, по-видимому, в Александрии между II и IV веками. Она состоит из 49 глав (в некоторых вариантах – до 60), повествующих о каком-то реальном или сказочном животном, а иногда растении или камне. При этом каждый рассказ был обязательно связан с назидательным библейским текстом; это было очень важно для читателя тех времён. В раннем средневековье «Физиологус» был почти так же популярен как Библия; он был переведен с греческого на добрый десяток языков, в том числе на старославянский. Самые ранние славянские переводы дошли до нас из XV века, но наверняка эта книга была известна на Руси гораздо раньше.

Конечно, рассказывалось в «Физиологусе» о василиске, здесь это уже не маленькая змейка, как у Плиния, а чудище с туловищем жабы, хвостом змеи и головой петуха. Убить его можно, направив зеркалом солнечные лучи ему в глаза; в других вариантах он окаменеет, увидев своё отражение в зеркале.

Саламандра по «Физиологусу» – очень холодная птица, холоднее всех птиц. Она живёт в пламени Этны, там она выращивает потомство. В более позднем средневековом сочинении саламандра становится червём, живущим в огне и делающим коконы. Женщины разматывают эти коконы и ткut из нитей ткани. Очищают их, бросая в огонь. И купцы действительно привозили куски кожи саламандры, не горящие в огне!

Конечно, они не говорили о том, что эта «кожа» сделана из асбеста – ведь чем экзотичнее вещь, тем больше за неё заплатят. А впоследствии саламандрой окрестили земноводное животное, похожее на тритона. Оно чёрное с ярко-оранжевыми, как будто огненными, пятнами.

В Библии, в Книге Иова, есть фраза: «Могучий лев погибает без добычи». Мудрецы, искавшие скрытый смысл в каждом слове Библии, переиначили её, и вместо льва возник мура-

выинный лев, мирмелеон или мирмеколеон. И «Физиологус» повествует, что у этого существа передняя часть львиная, задняя муравьиная; отец его – лев, пожирающий мясо, а мать – муравей, который питается зерном. Но само оно не может есть ни зерна, ибо отец не ест его, ни мяса – так как его не ест мать. И поскольку пищи для него нет, бедняга умирает от голода. Конечно, этот муравьиный лев не имеет ничего общего с насекомым, носящем то же имя. А ведь ещё в VI веке некий Исидор из Севильи уже писал о «мелком существе, враждебном к муравьям, которое зарывается в пыль и убивает муравьёв, несущих зерна».

Не похож на настоящего пеликана и пеликан «Физиологуса». «Мать с помощью клюва и когтей ласкает птенцов так страстно, что убивает их. Через три дня прилетает отец, в отчаянии разрывает себе грудь, и льющаяся кровь возрождает птенцов». В других вариантах он кормит птенцов своей кровью. Благодаря этой легенде кормящий птенцов пеликан стал средневековой эмблемой детских воспитательных учреждений.

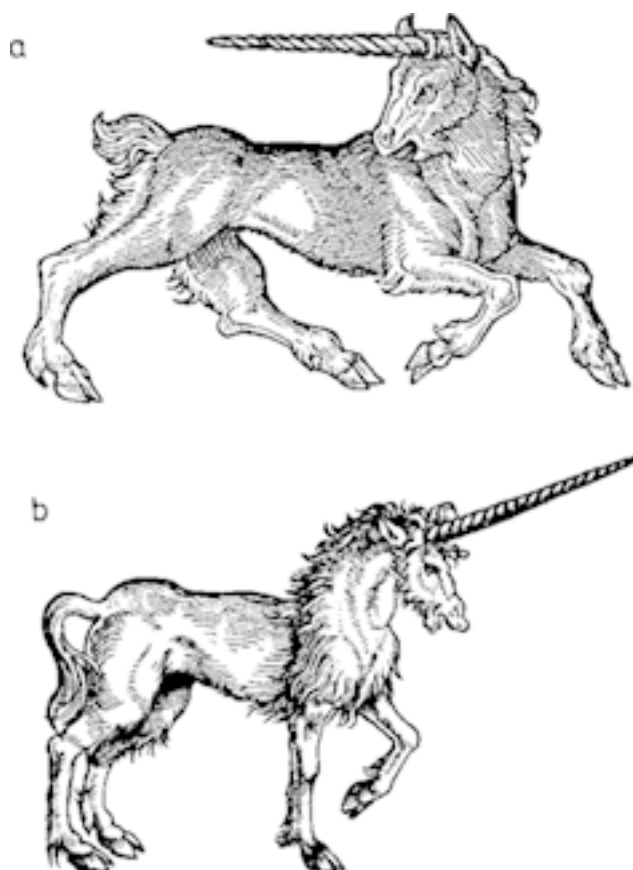
В раннем средневековье возник даже особый литературный жанр – «бестиарии», книги рассказов, пересказывающих и дополняющих истории, изложенные в «Физиологусе». Кое-что в них было взято у Плиния и других античных авторов, но очень приукрашено в пересказе. Рассказы эти были сугубо назидательными, с множеством цитат из Библии. И когда «Физиологус» и бестиарии описывали каких-то реально существующих животных – льва, пантеру, лису, зайца и других, то описания эти были так же близки к действительности, как русские сказки с участием волка, медведя и лисы. Разница лишь в том, что слушатели сказок понимали их условность, а читатели бестиариев свято верили в прочитанное. Так мифические животные по мере переписывания и пересказывания приобретали всё более удивительные свойства.

Только латинских рукописей «Физиологусов» и бестиариев дошло до нашего времени больше пятисот. И ни одна из них не повторяет другую, все они в чём-то различаются, ибо каждый переписчик стремился добавить в рукопись что-то своё, сделав её ещё более назидательной.

Вера в чудовищ, обитающих в далёких странах, была всеобщей.

Особенно чтимым в средние века животным был единорог. Его изображали на картинах и гобеленах, он украшает герб Великобритании. Чем же он прославлен?

Одним из первых писал о единороге всё тот же Ктесий. У него единорог – обитающий в Индии быстроногий осёл с белой шерстью, красной головой, голубыми глазами и острым рогом посреди лба. Рог этот обладает чудесными свойствами: если из него сделать кубок, то вода или вино, налитые в него, прекращают приступы «святой болезни» – эпилепсии и даже могут служить противоядием. Можно с уверенностью сказать, что Ктесий, сам в Индии не бывавший, с чьих-то слов описал носорога. Более того, он первым восславил якобы целебные свойства его рога, в которые и сейчас верят на Востоке.



1.4. Единорог, как он был представлен в трудах Альберта Великого (a) и Геснера (b)

У Плиния единорог больше напоминает носорога: «Телом лошадь, головой олень, ногами слон, хвост борова, дико рычащий, с одним чёрным рогом трёх футов длины, растущим из середины головы. Говорят, что поймать его живым невозможно».

Немного раньше возник другой единорог, библейский. Дело в том, что в тексте Библии, написанном на древнееврейском языке, неоднократно упоминается зверь по имени «ре-эм». Видимо, он был хорошо известен, и толкователи Библии не считали нужным пояснять, что это такое. К третьему веку до нашей эры, когда Библию перевели на греческий, знание это подзабылось, и мудрые переводчики перевели это слово как «монокерос», единорог. В этом значении оно перешло и в другие языки. Откуда же он мог взяться? По-видимому, разгадка таится в вавилонских и ассирийских рельефах. На них не раз изображен дикий бык, тур. Согласно художественным канонам того времени животные изображались строго в профиль, и, глядя на рельеф, можно подумать, что у животного один рог. А на ассирийском языке тур назывался «риму»... Правда, некоторые учёные считают, что прообразом единорога могла быть антилопа орикс с прямыми рогами; она тоже изображалась на рельефах. Но дела это не меняет, в Библии описывалось реальное животное. Но какие удивительные превращения с ним произошли!

Арабы писали, что единорог протыкает слона своим рогом, но не может стряхнуть его кости; когда на роге набираются останки трёх или четырёх слонов, единорог теряет подвижность и становится жертвой птицы Рок. В Талмуде, священной книге евреев, единорог так велик, что Ной не смог взять его в свой ковчег, и несчастному зверю пришлось плыть многие месяцы и отдыхать лишь изредка, положив свой рог на ковчег.



1.5. Нарвал, обладатель драгоценного «единорожьего» рога

В христианской традиции единорог иной – но не менее удивительный. «Физиологус» и бестиарии описывают его как животное размером с козлёнка; прикосновением своего рога оно удаляет из озера принесённую змеями отраву, а когда его преследуют охотники, единорог находит убежище на груди непорочной девы – и только она может поймать его. На картинах, рисунках, гербах единорог выглядит как миниатюрная лошадь с торчащим вперед прямым, спирально закрученным рогом. И самое интересное то, что такие рога действительно существуют!

Начиная с XII века они стали появляться в Европе; купцы откуда-то привозили их и продавали за огромные деньги. Рога единорога хранились в королевских и княжеских сокровищницах, венецианцы предлагали за один такой рог, принадлежавший роду Гогенцоллернов, 30 000 дукатов – больше ста килограмм золота, но сделка не состоялась. Одним из сокровищ Дании был трон короля Фредерика III, сделанный из рогов единорога. И, конечно, порошок из рога единорога, уникорн или аликорн, считался лекарством от всех болезней; первые рецепты мазей и микстур с ним были составлены в XII веке аббатиссой Хильдегардой фон Бинген. Аликорн дотянул даже до просвещённого XVIII века – в 1741 году он ещё числился в списке лекарств лондонских аптек.

Уже в период Возрождения скептические итальянцы стали сомневаться в лечебных свойствах аликорна. Не очень верили в них и немецкие врачи. Но больные требовали именно лекарства из аликорна, и некоторые даже выздоравливали. Психотерапия – слово новое, но этот метод существовал и в старину...

Понемногу с севера Европы стали приходить сведения о том, что прямой, завитой спиралью рог принадлежит совсем не единорогу, а небольшому киту нарвалу. Первым стал различать «уникорнум верум», единорога подлинного и «уникорнум фальсум», фальшивого, Михаэль Валенти в 1704 году. При этом подлинным считался рог, находимый в земле и принадлежащий библейскому единорогу (попросту говоря, мамонтовые бивни), а фальшивым, менее действенным, рог (вернее, стержневидный, спирально закрученный левый бивень) нарвала. Но ни тот, ни другой, увы, не спасал от ядов. И постепенно рог нарвала стал просто поделочным материалом, а единорог перешёл в разряд сказочных существ.

Путешественникам, возвращавшимся из дальних стран, часто не верили. Более того, их слова принимали за наглую ложь. Выдумкой считали рассказы Марко Поло о реальных животных, увиденных им – полосатом льве (тигре), яке, кабарге, диких лошадях, гигантском баране (том самом, которого переоткрыл впоследствии российский исследователь Федченко, назвав-

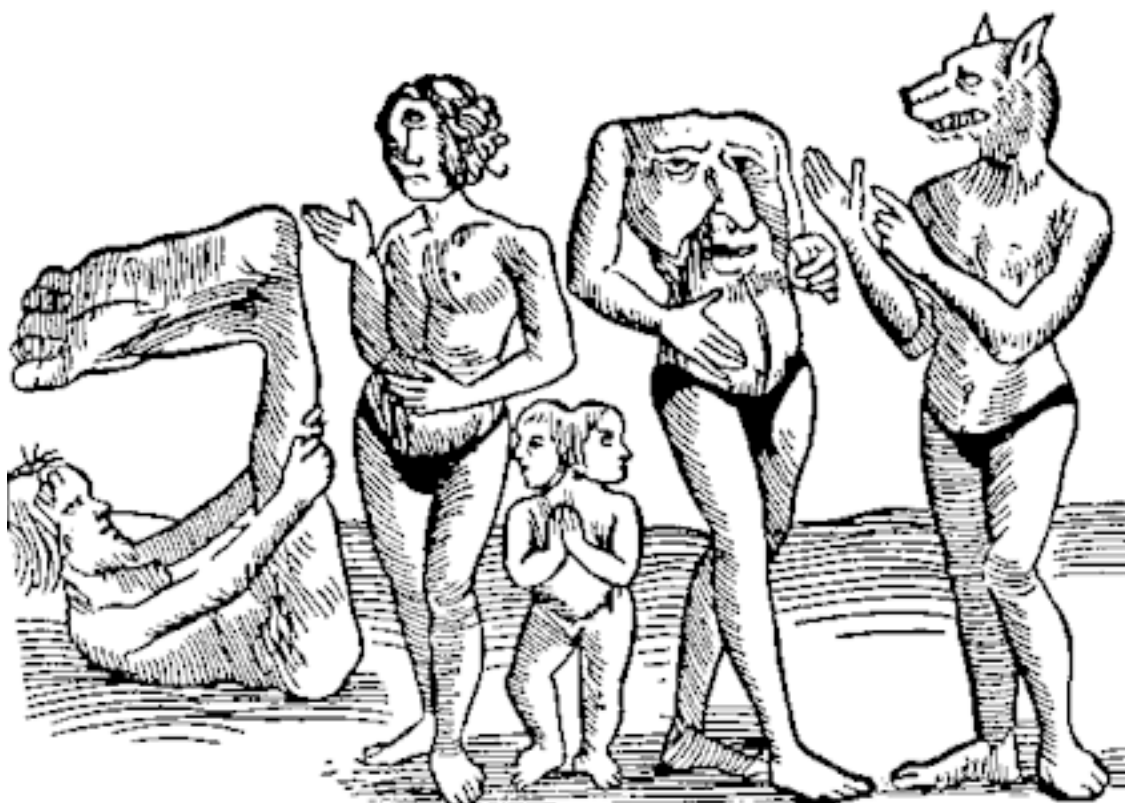
ший его «Ovis polo», баран Поло). А вот в птицу Рок, которая может поднять в воздух слона, поверили. Ещё бы – ведь Поло видел у хана Хубилая её огромное перо! Поверили и в гигантских змей с двумя ногами около головы, про которых Поло слышал, и во многое другое. А когда появилось описание путешествия рыцаря сэра Джона Мандевиля – ему поверили без оговорок. Ведь сэр Джон путешествовал целых тридцать три года по Египту, Аравии, Палестине и в конце концов добрался до Китая. Его книгой зачитывались, её цитировали десятки писателей, её перевели чуть ли не на все европейские языки – ведь писал он о вещах удивительных и чудесных.

«В той стране обитают люди одноногие, но ходят они с поразительной быстротой. Ложась на отдых, человек поднимает над собой свою единственную ногу, ибо она столь велика, что, отбрасывая тень, защищает его от палящих лучей солнца. А солнце в тех краях такое жаркое, что в Ливийском море всплывает на поверхность варёная рыба, и это есть великое чудо.

А на другом острове живут люди гигантского роста и отвратительные на вид. У них всего один глаз, находящийся на лбу. Есть и такой остров, на котором живут люди невероятно грязные и не имеющие головы; глаза находятся у них на плечах. И ещё есть остров, где обитают люди с такой большой верхней губой, что, ложась спать на солнцепёке, они этой губой закрывают всё лицо».

Но странное дело, книга англичанина Мандевиля была почему-то написана по-французски. Историки же не нашли в списках английского дворянства никого с такой фамилией.

Зато в Бельгии, в Льеже в 1375 году скончался весьма уважаемый врач Жан де Бургонь, который на смертном одре не пожелал унести свой секрет в могилу и признался, что именно он написал эту книгу. Ни в каком Китае он не бывал, во время своего «путешествия» спокойно жил в Льеже, и книга «Мандевиля» – абсолютная фальшивка. Легковерные современники де Бургоня проглотили крючок вместе с поплавком, и сэр Джон де Мандевилль стал считаться величайшим путешественником своего времени. Даже двумя столетиями позже знаменитый географ и картограф Себастьян Мюнстер в своей «Космографии», переизданной с 1544 по 1750 год сорок четыре раза, увековечил рассказы «сэра Джона» и снабдил книгу занимательными рисунками, изображающими людей без головы, людей с собачьими головами и тому подобные чудеса.



1. 6. Аборигены дальних земель, согласно «Космографии» Себастьяна Мюнстера

Человек весьма начитанный, де Бургонь понадёргал сведения из описаний различных путешествий, украсил их массой удивительных, то ли услышанных, то ли выдуманных историй, и пустил книгу в свет.

Источники, которые в ней были использованы, удалось проследить. Это описания путешествий побывавшего на Дальнем Востоке монаха Одерика из Портено, Плано Карпини – посла папы римского к монгольскому хану, некоего Вильгельма фон Боденселе и многих других. В «соавторы» были взяты и Плиний, и Марко Поло, и древнегреческий географ Эратосфен.

Есть у «Мандевилля» история о дереве, которое приносит необычные плоды; если расколоть такой плод, внутри окажется маленькое животное, подобное барашку без шерсти, мясо его очень вкусно. «И я ел такой плод», – уверяет «сэр Джон». Истории, подобные этой, не были чем-то новым для его современников. Каждый образованный человек знал, что где-то в Англии, а может быть в Шотландии или Ирландии растут деревья, плоды которых, падая в воду, превращаются в мелких диких гусей. Из этого делался вывод: раз дикие гуси рождаются на деревьях, значит они постные. Более того, ведь у водоплавающих птиц между пальцами перепонки! Следовательно, они сродни рыбам, а рыбы – пища постная, и значит гусей и уток можно есть в пост.

Впервые подобную легенду записал учёный монах Геральдус Уэльский (Geraldus Cambrensis) в начале XII века, за двести лет до «Мандевилля». Но он описывал неких существ, выносимых морем на кусках дерева. Сперва они напоминают смолу, потом свешиваются на своих клювах подобно водорослям, но окружённые раковиной. Постепенно они обрастают перьями, потом отделяются от дерева и улетают. «Я не раз моими собственными глазами видел более чем тысячу этих маленьких птичьих тел, свисающих с одного куска дерева на морском берегу, замкнувшихся в раковинах и уже сформированных».

Геральдус был неплохим наблюдателем. Существа, которых он видел, были ракообразными, в более поздние времена прозванные «морскими уточками». Их тело защищено известковыми пластинками, напоминающими раковину, и они прикрепляются к субстрату стебельком; субстратом же может быть что угодно – подводные части кораблей, прибрежные скалы, раковины моллюсков, кожа китов и акул и плавающие куски дерева. А за перья Геральдус принял их двуветвистые, покрытые длинными щетинками ножки; в воде они то раскрываются как веера, то складываются, подгоняя ко рту воду с планктоном, служащим им пищей. И уж конечно ни Геральдус, ни кто другой не мог видеть, как такие «птицы» взлетают в воздух. Это напоминает другую, более позднюю легенду о том, что в тропиках есть цветы, которые могут отделяться от веток, превращаясь в бабочек.

Во всяком случае версию о том, что водоплавающие птицы – пища постная, с удовольствием подхватили в монастырях, и папе Иннокентию III пришлось специальным эдиктом запретить чревоугодникам поедать таких птиц в пост. А крупнейший учёный средневековья, живший в XIII веке монах Альберт фон Больштедт, за свои обширные знания прозванный Альбертом Великим, о растущих на деревьях гусях написал коротко и точно: «полная бессмыслица».

Но «Мандевиль» писал не о птицах, а о барашках. Растительные ягнята тоже были широко известны в то время, и назывались они «баромец»; впоследствии это слово считали искаженным славянским «баранец».

Английский исследователь Генри Ли в конце XIX века тщательно проследил историю этого фрукта. Им оказался хлопок! И виноват во всём оказался неточный перевод. Древнегреческий ботаник Теофраст, ученик и друг Аристотеля, первым упомянул хлопок – африканский, со слабо раскрывающимися коробочками (современные культурные сорта происходят из стран Нового Света). Нераскрывшуюся коробочку хлопка он назвал «мэлон». Это слово в древнегреческом языке имеет несколько значений. Одно из них – «яблоко или другой фрукт, растущий на дереве». Другое значение – «овца». Таким образом, он подразумевал фрукт, дающий шерсть. А уж дальше потрудились переводчики, и в результате на дереве выросла овца...

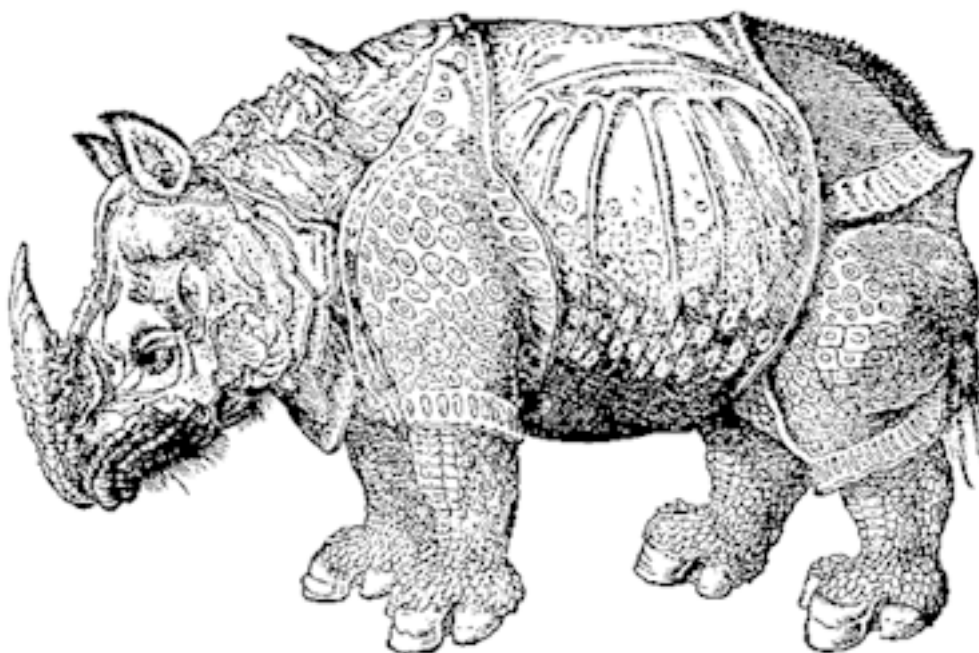
Глава 2. Семиглавая гидра и детективы в музее

Тем временем начали возникать музеи естественной истории – первоначально как частные коллекции. Один из самых первых музеев появился в немецкой Швейцарии, в Цюрихе. Создал его Конрад Геснер.

Этот замечательный человек родился в Цюрихе в 1516 году в семье бедного скорняка. Он рано осиротел – умерла мать, отец погиб во время одного из религиозных конфликтов, сотрясавших тогда Европу, и мальчик воспитывался в семье дяди. Дядя занимался сбором и выращиванием лекарственных трав, поэтому Конрад, научившись разбираться в растениях и их свойствах, уже с детства заинтересовался и естественной историей. В школе он настолько быстро овладел латынью и греческим языком, что восхищённые его способностями учителя помогли ему продолжить образование – сначала в Цюрихе, потом в университетах Страсбурга, Буржа, Парижа и Базеля (в те времена студенты часто странствовали, учась в одном городе у одного профессора, потом перебираясь в другой город к другому профессору – более знаменитому или преподававшему науку, особенно интересную для этого студента). В 21 год Конрад уже сам преподавал греческий язык в Лозанне, а в 26 лет защитил диссертацию на степень доктора медицины. С тех пор он жил в родном Цюрихе. Он был хорошим врачом, но не нашёл состояния, большую часть заработанных денег он тратил на книги и «кабинет естественной истории», как тогда говорили.

Этот научный кабинет в его доме был невелик, но в нём были скелеты животных и чучела, и сосуды со змеями и ящерицами в спирте, коллекции насекомых под стеклом, окаменелости, засушенные растения. Там было даже чучело колибри – одно из первых, привезённых в Европу. Рядом стояло множество книг, ведь Геснер знал более десяти языков и прочёл почти всё, что к тому времени было написано о животных. И сам он писал книги – по медицине, минералогии, ботанике, составил огромный библиографический справочник, но в историю науки Конрад Геснер вошёл как зоолог.

Его труд, названный, как у Аристотеля, «История животных», стал для Европы XVI века своеобразной зоологической энциклопедией. В первый том её Геснер поместил, выделив их в отдельную группу, живородящих четвероногих животных, то есть млекопитающих. Вторым том рассказывает о яйцекладущих четвероногих (земноводных и части пресмыкающихся), третий – о птицах, четвёртый – о водных животных. Пятый том, описывающий змей и ящериц, был издан уже после смерти Геснера. Это огромные, в половину стола, книги, около тысячи страниц в каждой, с множеством иллюстраций. Именно там было помещено сделанное Дюрером знаменитое изображение первого носорога, попавшего в Европу – мощное животное, как будто закованное в броню. «Броня» эта возникла по ошибке. Носорог был прислан из Индии португальскими завоевателями в подарок своему королю Мануэлу I. Несколько месяцев несчастное животное ютилось на корабле в маленьком загончике, и за это время у него образовались мощные кожные наросты; такие бывают и в зоопарках у старых азиатских носорогов. В Португалии художник Валентин Фернандес зарисовал его, невольно преувеличив размеры и форму наростов. По этому рисунку Дюрер, сам в глаза не видавший носорога, и сделал гравюру, на котором носорог выглядит как доисторическое чудовище.



2.1. Носорог – рисунок Дюрера, опубликованный Геснером

Работая над «Историей животных», Геснер понимал, что сведения в каждом томе должны располагаться в каком-то порядке. Но до создания научной системы животного мира было ещё далеко, и Геснеру пришлось в каждом томе расположить всю живность просто по алфавиту, согласно латинским названиям. Каждая главка – десятки страниц, посвящённых одному живому существу, на которых записано всё, что было тогда о нём известно: его название на разных языках, подробное описание облика, сведения о том, где оно обитает, образ жизни, повадки, способы охоты на него, дрессировка и множество других подробностей вплоть до басен и поговорок об этом животном.

То, что Геснер писал о европейских животных, во многом согласуется с современными сведениями. Многих он видел сам, иные хранились в его музее. Более того, он рассказал о животных, не доживших до наших дней. Это тур, ещё встречавшийся в начале XVII века, и «лесной ворон». Эту птицу долго считали вымыслом, и только много позднее выяснилось, что речь идёт о лысом ибисе, тогда ещё обитавшем в Альпах; сейчас он сохранился только в немногих местах Марокко и Турции.

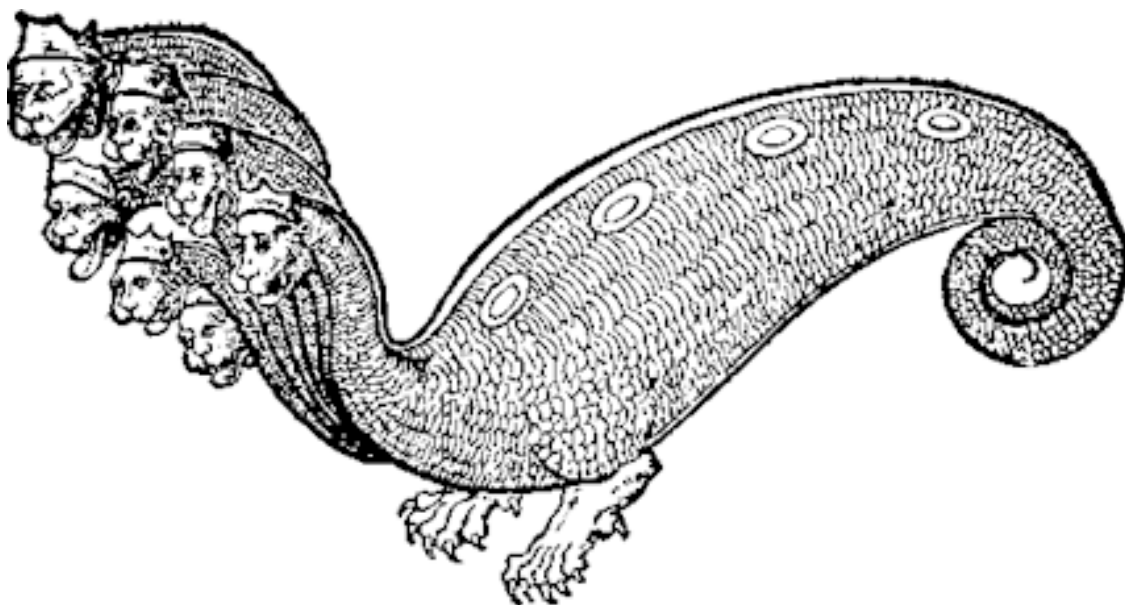
Геснер старался быть критичным к рассказам путешественников и авторов bestiариев. О василиске он написал, что это «женские сплетни и фальшивая бессмыслица» и добавил: «Аптекари и другие бродяги изменяют тела скатов многими способами по своей прихоти, обрезая, выворачивая и вытягивая в облик змей, василисков и драконов. Я помещаю здесь изображение такой фигуры, чтобы могли быть узнаны обман и хитрость. Я видел здесь (в Цюрихе) путешествующего бродягу, который показывал такую фигуру как василиска, но он был сделан из ската». Он доказал, что знаменитый в то время дракон (он же гидра), хранившийся в Венеции, – чудовище с двумя когтистыми лапами, длинным закрученным хвостом и семью головами на длинных шеях – искусная подделка. Впрочем, в существование драконов он верил; просто считал, что настоящие драконы очень редки. Что же касается семиголовых гидр, то, по-видимому, в те времена это был ходкий товар. Голландский собиратель экзотических животных Альберт Себа даже в начале XVIII века считал чучело такой гидры жемчужиной своей коллекции. К счастью (или к сожалению?) гидра не вошла в число тех «натуралий», которые были куплены у него Петром Великим и составили основу петербургской Кунсткамеры. Забавно –

ведь Себа был аптекарем, и к нему тоже в какой-то мере относится гневная фраза Геснера, написанная гораздо ранее.

Верил Геснер и в то, что существует единорог (но в это верил и Леонардо да Винчи!), но уже отличает от него «морского единорога», нарвала, хотя изображён он всё-таки с рогом на лбу. Геснер первым написал и о вампирах – летучих мышах, сосущих кровь, и о «скорлупистом еже» (броненосце).



2.2. Чучело «василиска», сработанное из ската, не обмануло Геснера



2.3. Эту венецианскую «гидру» Геснер признал фальшивкой

Но преувеличений, а то и просто басен и у него предостаточно. О рыси, «хищном звере, подобном волку, но намного более хитром» он пишет: «Нет животного, которое имело бы такое острое зрение, как рысь; поэты говорят, что она будто бы может проникать взглядом вещи, обычно непрозрачные – стены, дерево, камень и тому подобные. Зато когда она теряет эту способность, то начинает ненавидеть собственный взгляд и поэтому умирает». Поверье о невероятно остром зрении рысей было широко распространено в те времена, и когда князь Федерико Чези в 1603 [году основал в Риме одну из первых научную академий Нового времени, он назвал её *Accademia dei Lincei*, Академия Рысей, а точнее – Рысьеглазых, и гербом её стала

рысь. Одним из её членов был Галилей. После ряда закрытий и преобразований академия эта дошла до наших дней как одно из важнейших научных учреждений Италии.

Но вернёмся к Геснеру. О лосе он пишет: «говорят, что он не имеет ни колен, ни суставов». Впрочем, согласно Плинию, и слон не имеет суставов в ногах. Геснер сомневался в существовании «барнакльского гуся», о котором писал Геральдус; ему не верилось, что птица может не откладывать яйца, а развиваться в воде. К тому же Альберт Великий, авторитет которого был очень велик, считал, что это «полный абсурд и бесстыдная ложь». Чтобы окончательно прояснить вопрос, Геснер пишет в Ирландию, где будто бы обитает такой гусь, учёному монаху Октавиусу слышшему правдивым человеком. И тот отвечает: «Верой, которой я служу, заверяю, что всё сказанное Геральдусом о происхождении этой птицы есть правда». Волей-неволей Геснеру пришлось дать описание этого дива. А немного позже, в начале XVII века, другой легковёрный учёный, Дюре, утверждал, что есть дерево, приносящие чудесные плоды. Если они падают в воду, то превращаются в рыб, а упав на сушу – в птиц. Дюре нарисовал это дерево, и выглядело оно для людей того времени весьма убедительно.

Но больше всего невероятностей у Геснера в четвёртом томе, повествующем о водных животных. Туда попали рыбы, черепахи, раки, актинии. Кита Геснер тоже причислил к рыбам, не поверив Аристотелю – тот знал, что кит не рыба, ибо дышит лёгкими. Швейцарец Геснер если и бывал у моря, то недолго и очень многих морских существ он описал со слов других авторов, а его художники перерисовали их из старых книг. И возникают русалки и нериды, морской монах, морской епископ, морской чёрт с двумя рогами – рисунки, в наше время кочующие из учебника в учебник как доказательство легковерия первых зоологов. Но Геснер нередко делал приписки: «этот рисунок таков, каким его сделал художник, я не имею данных о его точности». А у изображения гигантского то ли кита, то ли змея, нападающего на корабль и пожирающего людей, он не даёт описания, а пишет: «Такие монстры были изображены на рисунках Олауса; насколько они хороши и верны – остаётся на его ответственности». Норвежский архиепископ Олаус, или Олаус Магнус (Великий) в своем описании северных народов писал и о животных. Морж у него, например, «невероятная морская свинья, которая с помощью своих зубов, как по лестнице, залезает на вершины скал, чтобы с этой высоты скатиться обратно в воду – если не уснёт, повиснув на скале». Есть у него и морской змей, и гигантский осьминог-кракен (по-видимому, реально существующий гигантский кальмар, о котором писал и Плиний). А художник Геснера, никогда не видавший ни осьминога, ни кальмара, изобразил кракена по описанию, и у него получился злобный тюлень с воротником из щупалец. Что же касается морского чёрта, то у Геснера есть описание и рисунок подлинного морского чёрта – рыбы, названной так из-за её страшноватой внешности. И рисунок явно сделан с засушенного экземпляра – не в музее ли Геснера он хранился?



2.4. А эту гидру голландец Себа считал жемчужиной своего собрания

Геснер прожил всего 49 лет. Когда в его родной Цюрих пришла чума, он был городским врачом и не покинул свой пост. Говорят, что когда и его одолела страшная болезнь, он попросил отнести себя в свой музей и умер, глядя на шкафы с коллекциями.

Нередко ошибаясь и веря ошибкам других, он был сыном своего времени. Но его книги стали той ступенью, с которой начиналась научная зоология. Недаром его называли не только «германским Плинием», но и «отцом зоологии», подобно Аристотелю.

Другой знаменитый учёный того времени – итальянец Улисс Альдрованди. Он не только создал свой «кабинет естественной истории», который завещал родной Болонье, но и организовал ботанический сад. Прекрасный лектор, человек яркий и увлекающийся, в молодости он попал в тюрьму инквизиции, но ему удалось выпутаться. Позднее его покровителем стал папа Григорий XIII, субсидировавший роскошное издание его книг. В них есть уже кое-что новое по сравнению с Геснером; он видел или имел в своем музее много американских, африканских, индийских животных, он анатомировал птиц, изучая их скелет и внутренние органы, провёл цикл наблюдений над развитием куриного зародыша. Но был Альдрованди более легковерен, чем Геснер, и по страницам его книг кочуют и псоглавые люди, и «морской монах». Появилось у него и кое-что новое, например «морской волк», гигантский рак, в несколько раз больше человека. Когда он попытался создать какое-то подобие системы, то попал впросак, придумав группу птиц «средней природы», куда вошли страусы и летучие мыши. И, наконец, вслед за Геснером и другими мудрецами он описал райских птиц и их удивительные привычки.



2.5. Дерево Дюре, из которого рождаются и рыбы, и птицы



2.6. Морж, изображённый в труде Олауса Магнуса

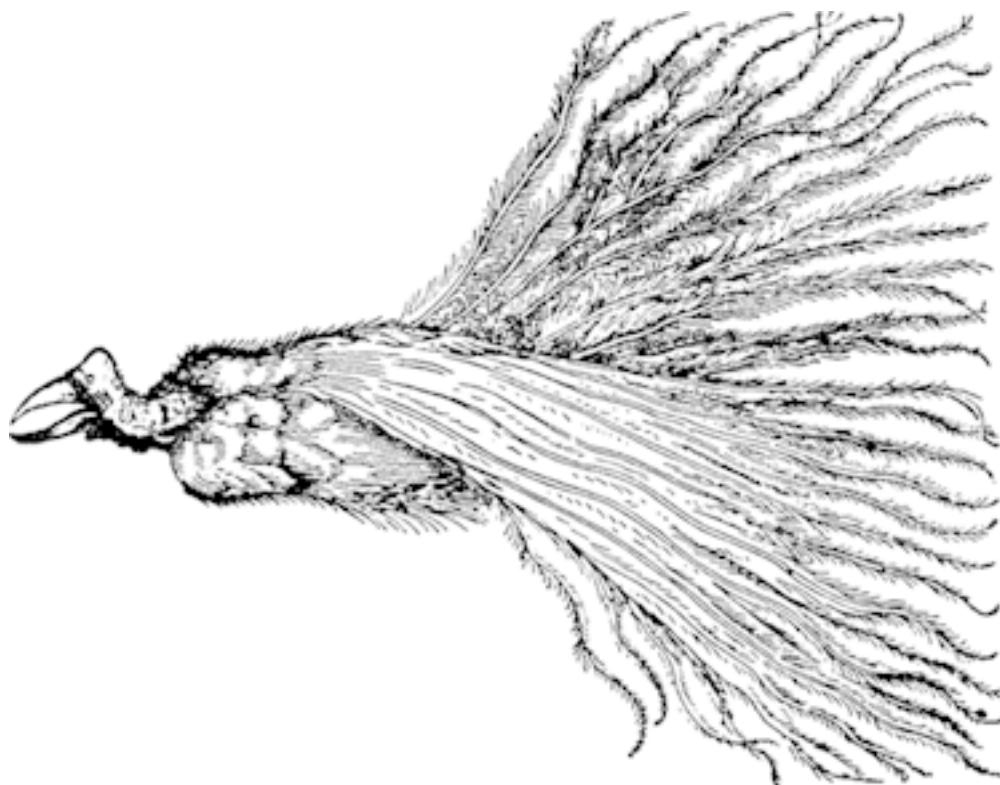
– Что ж тут такого, – скажет читатель, – птицы как птицы, только очень красивые. Но в том-то и дело, что тогда эти птицы считались необыкновенными.

История эта началась 8 сентября 1522 года, когда в порт Севильи вошел потрёпанный корабль с гордым именем «Виктория» и на берег спустились 22 измождённых человека – всё, что осталось от флота, отплывшего три года назад. Тогда на пяти кораблях уплыло 270 моряков, солдат, знатных гidalго, и командовал ими португальский дворянин Фернан де Магальейиш, в Испании ставший Фернандо Магелланом. Но великий мореплаватель не вернулся из прославившего его путешествия, шестнадцать месяцев назад он погиб в стычке с туземцами на одном из открытых им Филиппинских островов.

Кроме груза пряностей (стоимость которых с лихвой окупила все расходы на экспедицию) корабль привёз множество странных вещей, и среди них удивительно красивые и яркие, лёгкие как пух птичьи шкурки. Капитан «Виктории» Дель Кано получил их в дар от султана, правившего одним из Молуккских островов. Но на этом острове такие птицы не водились, их привозили откуда-то издалека. Их золотисто-жёлтые, оранжевые, зелёные, бронзовые, белоснежные перья переливались в солнечном блеске. И у этих шкурок не было ног! Более того, а шкурки ли это? Может быть, это просто мёртвые птицы, у которых нет не только ног, но и мяса, и костей?

Испанский натуралист Франсиско Лопес де Гомара, первым исследовавший их, кратко подвёл итог своей работы: «Мы полагаем, что эти птицы питаются росой и нектаром деревьев, дающих пряности. Одно несомненно – они не подвержены разложению». Откуда же могут прилетать эти чудесные существа? Не иначе, как из рая. И напрасно Антонио Пигафетта, участник экспедиции Магеллана, писал, что обитатели Молуккских островов умеют так аккуратно снимать птичьи шкурки, что в них не остаётся ни косточки. Никто его не слушал, и Геснер написал в своей «Истории животных»: «На Молуккских островах люди утверждают, что эти прекрасные птички, которые никогда не садятся на землю или на что-либо другое, родились в раю».

Но как же они живут, как отдыхают? Мнения разделились. Одни мудрецы полагали, что эти эфирные, почти не имеющие веса создания никогда не отдыхают, витая в воздухе; другие считали, что они отдыхают, обмотав тонкие нити своих перьев вокруг ветвей. Но как же они высыхивают птенцов, если они не садятся на землю? Очень просто – самка откладывает яйца на самца, и он служит ей живым летающим гнездом.



2.7. «Она не питается ничем, кроме небесной росы» – писал Геснер о райской птице

Несомненно, такие птицы должны обладать чудесными свойствами, но какими? Воины верили, что они охраняют от ран, и счастливы, которым удавалось достать шкурку райской птицы, украшали ею свой шлем. Заинтересовались новинкой и модницы, каждая придворная дама хотела украсить платье сияющей шкуркой; их привозили корабли, возвращающиеся с Молуккских островов, и цены на них были фантастические.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.